

В рассмотренных рассказах наррация занимает в целом больший объем по сравнению с совокупным объемом коммуникации (прямая и свернутая речь): средний объем наррации (77 %) превышает объем коммуникации (23 %). В исследованном материале различия между рассказами в удельном весе прямой речи в общем объеме коммуникации статистически значимы: показано, что для рассмотренных рассказов характерно более наглядное (изобразительное) представление общения. Названная тенденция проявляется в высоком удельном весе прямой речи как во всем объеме рассказов, так и в составе коммуникативного компонента.

Н. Б. Мечковская (БГУ, Минск, Беларусь)

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЯДА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Античные категории «стиль» и «узус» существенно отличаются от понятий «функциональный стиль» и «нормы языка» современной лингвистики. В «Риторике» Аристотеля (355 г. до н. э.) «стиль» (*lexis*) понимался эмфатический компонент речи, который для разных искусств («подражаний») и занятий, в том числе словесных произведений, характерен в разной степени. На этом основании Аристотель выстраивает градацию видов творчества в зависимости от степени их эмфатической нагруженности. В римской традиции понятие стиля стало обозначаться уже тем же греческим словом, что и сейчас – *stylos*, но понимание стиля оставалось близким к аристотелевскому. Три стиля, впервые выделенные в анонимной римской «Риторике к Гереннию» (I в. до н. э.) и ставшие на 18 столетий риторическим каноном, различались по степени насыщенности тропами и фигурами. Во Франции для концепции трех стилей было найдено психологическое обоснование (в «Рассуждении о красноречии» (1679) писателя и теоретика классицизма Франсуа Фенелона); у Ломоносова в «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке» (1758) триада стилей переосмыслена как три класса литературных жанров, каждый со своей пропорцией церковнославянской и русской лексики. До конца классицизма понятие «стиль» оставалось категорией риторики и литературы, а также истории изобразительного искусства, поведения и моды. Но и в XIX в. понятие «стиль» относится более к теориям изящной словесности и красноречия, чем к языку. Еще у Ш. Балли (1909) стилистика определяется как наука об «эмоциональной окраске экспрессивных фактов речи», а не о стилях языка.

Современное понятие «функциональный стиль» относится не к индивидуальным особенностям речи, но к вариантам языка: это типичные виды речи, которые различаются по сферам своего применения: канцелярско-деловой стиль, научный, научно-популярный, язык СМИ, разговорная речь. Функциональные стили образуют в совокупности «нормативно-стилистическую систему языка»; за ее пределами находятся «нелитературные» (субстандартные) идиомы (диалекты, сленги, арг, просторечие).

2. В античной культуре не было нормативного отношения к языку, как не было и функциональной дифференциации языка; поэтому не могло быть и терминов, называющих то, чего не было в реальности. В античных школах и академиях из века в век обсуждалась природа имен, соотношение в словах и формах аналогии и аномалии, достоинствах и изъяны индивидуальных стилей, приемлемость конкретных диалектизмов («солецизмов»), тропов, иносказаний и многое другое. Однако античная традиция не знает споров о «правильности» языка отдельных авторов или произведений, потому что еще не сложились представления о возможности норм в употреблении языка.

3. В истории языковых ситуаций (на разных континентах) Средние века были временем религиозного двуязычия, с характерным для него культурным доминированием языка религии (греческого, латыни, старославянского, авестийского, вэньяня, классического арабского и др.) над языками народными (которые в Европе назывались *vulgatae*, ед. ч. *vulgata (lingua)* ‘общезвестный, общедоступный’; позже в истории культуры широко был принят термин *новые языки*). В аспекте таких типологически важных черт литературного (культурного) языка, как «элитарность» vs. «демократичность (доступность)», культурно-религиозное двуязычие было временем максимальной недемократичности языка культуры.

4. Переход от религиозно-культурного двуязычия Средних веков к национальному одноязычию Нового времени явился самым значительным (со времен распространения письма) процессом в истории демократизации литературных («правильных») языков в качестве средства культурного общения. Принятие социумом своего этнического языка в функции языка церкви, школы и престижной культуры означало появление литературного языка нового типа – не замкнутого в узкой сфере особо важных функций, но языка открытого и многофункционального. На латыни или церковнославянском невозможно было говорить на рынке, с крестьянином, ремесленником, с женщиной, с детьми. В новых литературных языках эти ограничения отпали. Возрастание доступности нормативного языка остается ведущим трендом в развитии литературных языков в XX–XXI в.

5. В истории литературных языков процессам демократизации противостоят процессы выработки языковых норм, т. е. размежевания нормативного и ненормативного употребления языка, а также стихийный по своей сути процесс функциональной дифференциации речевых произведений. В Европе с укреплением самостоятельности национальных государств народные языки набирали силу; все более осознавалась их общественная необходимость и польза. Появляется потребность в определенной общей, наддиалектной и надсословной форме языка. В Европе в XVI–XVIII вв. создавались специальные ученые сообщества (академии), призванные «устроить» надлежащим образом народный язык. Подобно первой из них – итальянской «академии отрубей» (Флоренция, 1583 г.), – они «просеивали» язык, оставляя за пределами нормы все, что казалось грубым, площадным, неприемлемым. Параллельно дифференцировалась функциональная структура новых литературных языков.

6. Тенденции к усложнению языка и к его демократизации по-прежнему противостоят друг другу. Возникающие коллизии между сложностью языка и его доступностью в целом разрешаются благодаря терминологизации и стандартизации профессионального общения. Одновременно расширяется зона «приемлемого», «допустимого» в пространстве литературного языка; размываются границы между нормативным и ненормативным; стилистико-прагматические различия языковых средств ослабляются, иногда нейтрализуется. Проявления названной тенденции наблюдаются не только в повседневном общении, но и в нормативной лексикографии.

Н. Н. Миронова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ

Изучение лингвистической вариативности как семиотического явления приведет нас к выявлению и классификации разнообразных языковых знаков.

В целом, вариативность зависит от внутренних (языковых, системных) и внешних (внеязыковых) факторов. Знаковое отношение представляет собой триаду, это: объект, знак (любая вещь, если она служит для репрезентирования объекта) и интерпретанта. Четвертый элемент образует значение знака.

В первичных текстах появление новых знаков обусловлено вариативностью интерпретанты – в классическом понимании – это компонент структуры знака, благодаря которому знак обладает значимостью даже в отсутствие интерпретатора. «... более перспективной представляется гипотеза, согласно которой интерпретанта – это иной способ представления того же самого объекта. Иначе говоря, чтобы установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого в свою очередь будет следующий знак и т. д. Так начинается непрерывный процесс семиозиса, и это единственно возможный, хотя и парадоксальный, способ обоснования семиотики своими собственными средствами» [1, с. 67]. Понятие создания смысла, которое здесь возникает, позволяет нам подчеркнуть важность активного процесса интерпретации, в результате которого появляются новые конвенциональные системы: человеческий язык противостоит сенсорному хаосу, он «объективизирует» индивидуальные впечатления, «используя конвенциональные семиотические механизмы» [2, с. 66–68].

Знаковые системы мультимодальной коммуникации, например, театрального пространства, состоят из трех «больших текстов», по выражению Ю. М. Лотмана, а именно: из литературного произведения, актерской игры и художественного оформления (живописного, музыкального, светового). Здесь варьруются первичные и вторичные знаки различных видов.

Семиотические основания могут исследоваться в различных коммуникативных вариантах в их историко-социальной обусловленности, в частности, назовем:

- особенности языковых контактов (диглоссия, мультязыковая и мультикультурная коммуникация);